

Научная статья

УДК 159.9.072.5

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-43-58

Разработка и апробация опросника мыслительного потока

Елена Алексеевна Дорошева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Научно-исследовательский институт медицины и нейронаук
Новосибирск, Россия

elena.dorosheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>

Аннотация

Статья посвящена проблематике изучения компонентов внутренней речи и их популяционного разнообразия. Также рассматривается представленность визуальных образов в контексте мыслительной активности человека. На выборке, включившей 694 респондента, показан удовлетворительный уровень психометрических характеристик разработанного нами опросника мыслительного потока. Результаты исследования указывают на широкую индивидуальную вариативность изученных компонентов внутренней речи (повествования и споры, обращения к себе, к вымышленному собеседнику или к репрезентации знакомого человека, наличие ответов от воображаемого собеседника, усиление разных компонентов внутренних диалогов и монологов в стрессе) и частоты и яркости внутренних визуальных образов.

Ключевые слова

внутренняя речь, внутренние визуальные образы, опросник мыслительного потока, внутренний монолог, внутренний диалог

Источник финансирования

Исследование выполнено в ходе госзадания НИИИМ, регистрационный номер ЦИТиС: 122042700001-9.

Благодарности

Автор благодарит выпускницу ИМПЗ НГУ Гольдфельд Софью Вячеславовну за участие в разработке опросника и сборе данных.

Для цитирования

Дорошева Е. А. Разработка и апробация опросника мыслительного потока // Reflexio. 2023. Т. 16, № 2. С. 43–58. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-43-58

© Дорошева Е. А., 2023

Development and Adaptation of Thought Stream Questionnaire

Elena A. Dorosheva

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine
Novosibirsk, Russian Federation

elena.dorosheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>

Abstract

The article is devoted to problems of studying the components of inner speech and their population diversity. Representation of visual images in the context of human thought activity is also considered. The sample, which included 694 respondents, shows a satisfactory level of psychometric characteristics of the Thought Stream Questionnaire developed by us. The results of the study indicate a wide individual variability of the studied components of inner speech (narratives and disputes, addressing to oneself, to an imagined interlocutor or to a representation of a familiar person, presence of answers from an inner interlocutor, intensification of different components of internal dialogues and monologues in stress) and frequency and brightness of internal visual images.

Keywords

Thought stream, inner speech, inner visual images, Thought Stream Questionnaire, internal monologue, internal dialogue

Funding

The work was performed in accordance with the state research contract by Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, CITiS registration number: 122042700001-9.

Acknowledgments

The author thanks Sofia Vyacheslavovna Goldfeld, a graduate of V. Zelman Institute for Medicine and Psychology of the NSU, for her participation in the development of the questionnaire and data collection.

For citation

Dorosheva E. A. Development and adaptation of Thought Stream Questionnaire. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 43–58. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-43-58

Введение

Проблема изучения феномена внутренней речи связана с его трудноловимостью, хотя «разговор с самим собой» является повседневным явлением, измерить его объективно представляется практически невозможным. Дж. Б. Уотсоном, И. М. Сеченовым, В. М. Бехтеревым и другими авторами высказывалось предположение о том, что внутренняя речь является поведенческим феноменом, основанным на обучении и сопровождаемым микродвижениями мышц артикуляционного аппарата (по: [Костина, 2012; Alderson-Day, Fernyhough, 2015]), однако единственным доступным полноценной фиксации поведенческим проявлением родственного феномена в детском возрасте выступает эгоцентрическая речь. Согласно Л. С. Выготскому, интериоризация

эгоцентрической речи приводит к формированию внутренней речи, используемой для планирования и регуляции поведения, решения задач. Особенности эгоцентрической речи в старшем дошкольном возрасте, накануне предполагаемого превращения во внутренний психический процесс, Л. С. Выготский рассматривал как универсальные (присущие всем людям) свойства внутренней речи [Выготский, 2019].

Позже было показано, что, помимо отмеченной еще Л. С. Выготским индивидуальности звучания, организации и смыслового наполнения речевых единиц, внутренняя речь обладает высокой вариативностью и других показателей: от частоты ее возникновения, которая может занимать от 0 до 100 % дневного времени [Hurlburt et al., 2013], до степени развернутости или свернутости, которая может варьировать не только у разных людей, но и у одного и того же человека при смене эмоционального состояния и уровня сложности решаемых с помощью нее задач [Winsler et al., 2009]. Степень, в которой человек оценивает внутреннюю речь как подконтрольно генерируемую им самим или вне его воли возникающей в пространстве его психики, также широко варьирует. Чаще внутренняя речь описывается как активно формируемая самим человеком, но описывается и неконтролируемое повторение стереотипных отрицательно окрашенных мыслей – руминаций [Watkins, 2008], всплытие сознательно подавляемых нежелательных мыслей [Wegner et al., 1987], спонтанное переключение с выполняемой задачи на посторонние размышления (*mind wandering*) [Smallwood, Schooler, 2015], автоматическое воспроизведение выученных текстов, например, стихотворения или песни [Hurlburt et al., 2013] и как бы прослушивание собственного или чужого голоса (*inner hearing*) [Alderson-Day, Fernyhough, 2015]. Феномен отчужденности собственной внутренней речи при сохранении понимания встречается и на нормативной выборке [Heavey, Hurlburt, 2008], но в большей мере свойствен пациентам с диссоциативной симптоматикой, например, в случае малопрогрессирующей шизофрении [Давтян и др., 2017].

Выделяют диалогическую и монологическую формы внутренней речи; их распространенность также имеет индивидуальную, возможно, ситуационную вариативность [Alderson-Day et al., 2018].

Способы изучения внутренней речи включают ретроспективные методы – самоописание, интервьюирование, использование опросников, анализ художественных текстов, где автор транслирует свой опыт через описываемых персонажей [Синельникова, 2005], анализ клинических случаев [Watkins, 2000]. Один из наиболее применяемых в настоящее время опросников – VISQ (*Varieties of Inner Speech Questionnaire*). Revised VISQ имеет пять шкал: диалоговая внутренняя речь, сжатая внутренняя речь, другие люди во внутреннем диалоге, оценивание и позитивный диалог [Alderson-Day et al., 2018]. На русский язык переведена, модифицирована и используется в немногочисленных исследованиях Шкала внутренней диалоговой активности [Oleś, Puchalska-Wasył, 2012; Астрцов, Леонтьев, 2015]; ее оригинальная версия измеряет

разные функциональные аспекты внутреннего диалога (7 субшкал), в то время как российская адаптация имеет трехфакторную структуру и описывает общую интенсивность внутреннего диалога, склонность к мысленным моделированиям окружающего мира и к размышлениям в контексте собственных внутренних конфликтов, т. е. в большей мере ориентирована на содержательные составляющие размышлений.

Изучаются отдельные аспекты внутренних размышлений, например, мечты и фантазии (Imaginal Process Inventory; The Daydream Frequency Scale [Singer, Antrobus, 1970]), руминации различного характера (Ruminative Responce Scale [Treyner et al., 2003]) и т. д. Экспериментальные ситуации, в которых можно уловить текущий мыслительный поток испытуемых, включают использование устройств, где можно отмечать возникновение мыслей или по сигналу описывать их в момент его восприятия [Csikszentmihalyi, Larson, 2014].

Нами предпринята попытка разработки собственного опросника, измеряющего выраженность разных аспектов организации мыслительного потока, не присутствующих либо присутствующих частично в существующих методиках.

Материалы и методы

Разработка опросника мыслительного потока. При разработке опросника мы опирались на соображения о том, что индивидуальные различия в организации внутренней речи касаются представленности внутреннего монолога и внутреннего диалога [Alderson-Day et al., 2018]; описываются коммуникации с собеседниками разного рода – с самим собой, с «другим» самим собой, с репрезентацией реальных людей из окружения, известных людей либо с вымышленными персонажами [Давтян и др., 2017; Watkins, 2000]; показана интенсификация мыслительного потока в стрессовых ситуациях, ярко выраженная при наличии психопатологических симптомов и, возможно, также являющаяся переменной индивидуальных различий [Давтян и др., 2017]. Также учитывались описания прошлого опыта и текущей ситуации. Дополнительно были добавлены два пункта, описывающие частоту возникновения внутренних зрительных образов – по данным некоторых исследований, например, в таком феномене как *mind wandering* они составляют до 70 % [29].

Разработанный опросник включает 29 утверждений. Для 28 утверждений использовалась пятибалльная шкала, оценивающая частоту проявлений мысленных разговоров/споров с самим собой или воображаемым собеседником, а также (пункт 28) частоты появления внутренних образов: 1 – никогда; 2 – очень редко; 3 – иногда; 4 – часто; 5 – очень часто; пункт 29 предполагал оценку яркости внутренних образов по шкале: 1 – не возникают, 2 – не яркие, 3 – скорее яркие, 4 – яркие, 5 – очень яркие.

Другие использованные методики. Для использования конвергентной валидности опросника применяли шкалы, измеряющие автоматизированную внутреннюю речь – Шкалу руминаций, измеряющую отрицательно окрашен-

ные навязчивые размышления и рефлексивные повторяющиеся мысли [Дорошева, Князев, 2017]; Шкалу подавления мыслей, вызывающих нежелательные эмоции (для которых характерно их неконтролируемое всплывание) [Дорошева, 2024].

Статистическая обработка данных. Использовался пакет статистической обработки данных StatSoft Inc. STATISTICA 10. Для определения структуры опросника использовали метод главных компонент; для определения надежности выделенных субшкал – коэффициент альфа Кронбаха; для определения корреляции пунктов с суммарным значением показателя опросника, определения конвергентной валидности и становления взаимосвязей показателей опросника в целом и его субшкал с возрастом респондентов – коэффициент корреляции Пирсона; для сравнения показателей методики у мужчин и женщин – t-критерий Стьюдента. Для выявления распространенности разных вариантов внутренней речи применяли методы описательной статистики.

Выборка. В исследовании приняли участие 694 респондента, из них 465 женщин и 229 мужчин, в возрасте от 13 до 85 лет (средний возраст – 25 лет). Респонденты отвечали на вопрос о наличии в анамнезе психиатрических диагнозов; в случае положительного ответа производилось исключение из выборки.

Результаты проверки психометрических характеристик опросника

Факторная структура опросника мыслительного потока. Анализ с использованием метода главных компонент с вращением варимакс с нормализацией Кайзера. Было выделено 7 значимых компонентов (график «каменистой осыпи» приведен на рис. 1).

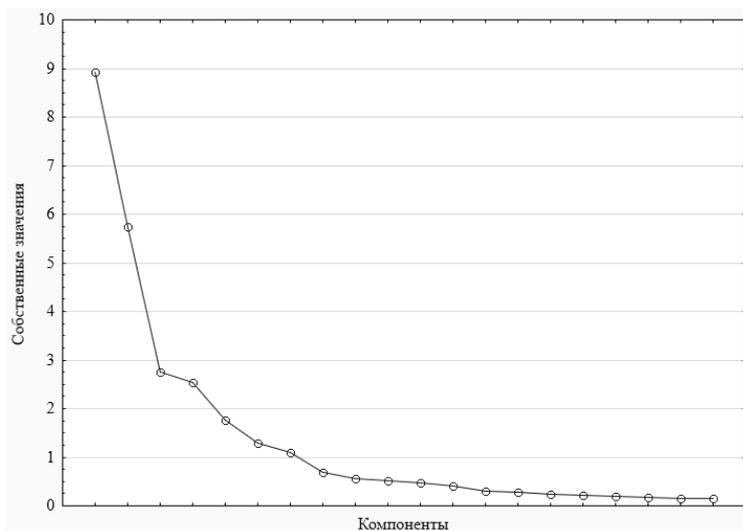

Рис. 1. График «каменистой осыпи»

Для дальнейшего анализа были оставлены те факторы, чьи собственные значения превышают единицу. Данные анализа методом главных компонент приведены в табл. 1.

Таблица 1

Повернутая матрица компонентов

Пункт опросника	Факторная нагрузка						
	1	2	3	4	5	6	7
1	0,055	0,302	0,071	0,105	-0,071	0,807	0,176
2	0,039	0,770	0,182	0,270	0,080	0,302	0,014
3	0,056	0,663	0,087	-0,036	0,005	0,524	0,050
4	0,112	0,814	0,099	0,153	-0,111	0,303	0,025
5	0,834	-0,060	0,200	-0,042	-0,058	0,202	0,109
6	0,871	-0,066	0,088	-0,058	0,021	0,129	0,244
7	0,799	0,077	0,206	-0,028	-0,081	0,100	0,230
8	0,820	0,072	0,140	0,015	0,052	0,098	0,285
9	0,161	0,069	0,926	0,081	0,038	-0,048	0,111
10	0,128	0,230	0,006	0,176	-0,045	0,881	0,098
11	0,237	0,800	-0,048	0,240	-0,064	0,189	-0,118
12	0,134	0,505	0,054	0,212	0,060	0,657	0,102
13	0,888	0,079	0,131	-0,029	-0,008	0,084	-0,137
14	0,915	0,085	0,106	-0,111	0,027	-0,013	-0,046
15	0,905	0,131	0,119	0,144	0,034	-0,109	-0,019
16	0,941	0,132	0,064	0,061	0,047	-0,012	0,012
17	0,200	0,016	0,928	0,075	0,043	0,049	0,114
18	0,355	0,048	0,821	0,050	0,026	0,126	0,238
19	0,034	0,802	-0,001	0,132	0,040	-0,061	0,387
20	-0,005	0,619	-0,055	0,200	0,051	0,303	0,407
21	0,185	0,074	0,358	0,064	0,031	0,279	0,780
22	0,233	0,231	0,358	-0,012	0,009	0,087	0,757
23	-0,185	0,014	0,208	0,825	0,063	0,280	-0,044
24	-0,036	0,237	-0,109	0,872	-0,037	0,074	0,079
25	0,110	0,036	0,150	0,892	0,035	0,045	-0,064
26	0,157	0,266	-0,082	0,869	-0,011	-0,039	0,004
27	-0,230	0,228	0,239	0,717	0,048	0,209	0,260
28	-0,056	-0,013	0,077	0,017	0,936	0,011	0,040
29	0,101	-0,005	0,012	0,028	0,935	-0,066	-0,009
Дисперсия	6,63	4,07	3,02	3,87	1,82	2,79	1,96
Доля дис- персии	0,23	0,14	0,10	0,13	0,06	0,10	0,07

Были выделены 7 факторов, которые могут рассматриваться как субшкалы опросника: 1) наличие вымышленного собеседника, не являющегося репрезентацией значимого человека (5, 6, 7, 8, 13, 14, 15, 16); 2) внутренние

споры (2, 4, 11, 19); 3) наличие воображаемого собеседника – репрезентации значимого человека (9, 17, 18); 4) неконтролируемые ответы во внутреннем диалоге (23, 24, 25, 26, 27), 5) частота/яркость внутренних образов (28, 29); 6) рассказы самому себе (1, 10), 7) усиление обращений к воображаемому собеседнику в стрессе (21, 22). Пункты 3, 12 и 20 не вошли ни в один из факторов (все они относятся к разговорам с «самим собой»).

Расчет согласованности по коэффициенту альфа Кронбаха для опросника в целом и для каждой из субшкал показал результаты, приведенные в табл. 2.

Таблица 2

Альфа Кронбаха для опросника особенностей внутренней речи и его субшкал

Шкала	Альфа Кронбаха
Опросник в целом	0,94
Наличие воображаемого собеседника, не являющегося репрезентацией значимого человека	0,96
Внутренние споры	0,89
Наличие воображаемого собеседника – репрезентации значимого человека	0,77
Неконтролируемые ответы во внутреннем диалоге	0,96
Частота/яркость внутренних образов	0,85
Рассказы самому себе	0,85
Усиление обращений к воображаемому собеседнику в стрессе	0,91

Все субшкалы имеют достаточную согласованность.

Корреляции пунктов опросника с суммарным значением его показателей и значения альфа Кронбаха при удалении пунктов приведены в табл. 3. Коэффициенты корреляций для пунктов 1–27 составляют от 0,51 до 0,66; для пунктов 28 и 29 они ожидаемо меньше – 0,30 в обоих случаях. Тем не менее наблюдаемая связь частоты возникновения визуальных образов и их яркости с интенсивностью мыслительного потока в целом побуждает выдвинуть предположение о существовании общего фактора интенсивности генерации внутренних визуальных образов и речевой продукции.

Конструктивная валидность опросника. Все субшкалы предлагаемого опросника имеют слабые и средние корреляции с показателями руминаций и склонностью к подавлению нежелательных мыслей с их последующим неконтролируемым всплыванием (табл. 4). Не выявляется отчетливой специфики связей. Похоже, что универсальный характер этих связей отражает взаимосвязь склонности «много размышлять» с наличием автоматических мыслей.

Таблица 3

Корреляции пунктов опросника с суммарным значением его показателей и значения альфа Кронбаха при удалении пунктов

Пункт	Корреляции с суммарным значением шкалы	Альфа Кронбаха, если удалить пункт	Пункт	Корреляции с суммарным значением шкалы	Альфа Кронбаха, если удалить пункт
1	0,52	0,94	16	0,66	0,93
2	0,58	0,94	17	0,51	0,94
3	0,58	0,94	18	0,55	0,94
4	0,59	0,94	19	0,55	0,94
5	0,58	0,94	20	0,53	0,94
6	0,64	0,93	21	0,56	0,94
7	0,66	0,93	22	0,56	0,94
8	0,66	0,93	23	0,57	0,94
9	0,47	0,94	24	0,61	0,93
10	0,58	0,94	25	0,59	0,94
11	0,58	0,94	26	0,65	0,93
12	0,65	0,93	27	0,58	0,94
13	0,62	0,93	28	0,30	0,94
14	0,65	0,93	29	0,30	0,94
15	0,65	0,93			

Таблица 4

Корреляционные связи показателей опросника с выраженностью руминаций и склонностью к подавлению мыслей, вызывающих нежелательные эмоции

Общий показатель и субшкалы опросника	Шкала руминаций				Подавление нежелательных мыслей (WBSI)
	Сумма	Рефлексивные руминации	Тягостные навязчивые размышления	Руминации, связанные с депрессией	
1	0,20	0,19	0,14	0,19	0,22
2	0,28	0,28	0,22	0,24	0,30
3	0,32	0,31	0,25	0,29	0,32
4	0,30	0,31	0,24	0,25	0,28
5	0,20	0,15	0,19	0,18	0,23
6	0,25	0,24	0,19	0,23	0,25
7	0,28	0,25	0,23	0,25	0,23
сумма	0,37	0,36	0,29	0,33	0,38

Примечание. * $p < 0,05$; * $p < 0,01$; 1) наличие вымышленного собеседника, не являющегося репрезентацией значимого человека; 2) внутренние споры; 3) наличие воображаемого собеседника – репрезентации значимого человека; 4) неконтролируемые ответы во внутреннем диалоге, 5) частота/яркость внутренних образов; 6) рассказы самому себе, 7) усиление обращений к воображаемому собеседнику в стрессе.

Распространенность элементов внутренней речи и визуальных образов

Для описания того, насколько часто проявляются разные формы внутренней речи, выявляемые предложенным опросником, рассматривали процентное соотношение участников выборки, указывающих разную частоту их возникновения (табл. 5).

Таблица 5

Процентное распределение ответов

Пункт	Никогда	Очень Редко	Иногда	Часто	Очень Часто
1	7,9	17,6	22,3	28,8	23,4
2	15,4	27,2	24,4	21,0	12,0
3	9,0	16,7	22,4	28,3	23,6
4	16,8	21,0	23,6	24,0	14,6
5	61,7	15,6	9,0	8,1	5,6
6	66,0	12,9	6,8	8,5	5,8
7	70,4	13,6	9,2	4,3	2,5
8	72,7	10,7	6,8	5,8	4,0
9	40,3	11,0	16,3	19,2	13,2
10	11,1	19,9	22,6	27,2	19,2
11	24,1	22,9	23,0	19,5	10,5
12	14,6	20,5	23,0	25,6	16,3
13	54,5	17,8	9,8	11,0	6,9
14	61,0	13,6	9,2	10,1	6,1
15	64,9	16,8	8,4	6,6	3,3
16	67,5	14,8	6,5	7,4	3,8
17	37,6	17,3	15,0	18,8	11,3
18	46,2	15,9	11,4	15,2	11,3
19	31,1	25,3	19,3	14,3	10,0
20	20,2	20,8	22,0	23,8	13,2
21	60,4	17,2	8,2	10,3	3,9
22	67,3	16,3	8,9	4,6	2,9
23	37,9	22,3	16,8	14,2	8,8
24	48,0	21,1	13,0	11,7	6,2
25	38,8	19,8	20,5	14,5	6,4
26	47,0	21,6	15,3	11,3	4,8
27	42,2	21,1	16,8	14,0	5,9
28	10,3	14,9	19,8	26,0	29,0
29	не возникают	не яркие	скорее яркие	яркие	очень яркие
	12,2	25,8	30	22,8	9,2

Как и в предшествующих работах, было выявлено значительное разнообразие частоты встречаемости различных элементов внутренней речи у участников исследования. Например, 23,4 % респондентов рассказывают что-то самому себе очень часто, примерно половина (51,1 %) – часто или иногда, четверть участников (25,5 %) – очень редко или никогда. Споры с самим собой представлены в меньшей степени, чем разговоры: 12,0 % участников выборки спорят сами с собой очень часто, чуть меньше половины (45,4 %) – часто или хотя бы иногда, остальные (42,6 %) – очень редко или вообще никогда.

При этом мысленно отвечают сами себе во время разговора очень часто и часто – 23,6 и 28,3 % респондентов соответственно. Очень редко или никогда – 16,7 и 9,0 %. Таким образом, большинство участников выборки имеют диалогическую структуру мыслительного потока.

22,7 % участников хотя бы иногда (либо чаще) разговаривают с вымышленным собеседником. Для большинства участников (61,7 %) это совсем нехарактерно. Процент тех, кто хотя бы иногда (и чаще) ведет мысленный спор с вымышленным собеседником, еще меньше – 16,0 %. При этом практически столько же участников ответили, что от «иногда» до «очень часто» отвечают сами себе от лица собеседника во время спора, что наводит на мысль о преимущественно диалоговом характере внутренних споров.

Разговоры с репрезентацией собеседника, существующего в реальности, включают представление в качестве таких собеседников родителей и прочих родственников, партнера, друзей и других знакомых людей. Также в качестве собеседника выделяли людей, с которыми был или предстоял спор, или людей, с которыми планировался важный деловой разговор. Несколько респондентов указали в качестве собеседника своё второе Я, «некое неизвестное третье лицо, которое одновременно является и мной, и никем, и кем-то другим» или более аналитичного и логичного друга, что имеет некоторые сходства с симптомом диалогического расщепления Я, но процент таких ответов на выборке данного исследования очень невелик (примерно 3 %).

Разброс ответов о мысленных монологах, диалогах и споров в прошлом сходен с описанием таковых в настоящем, кроме того, можно заметить небольшое увеличение процента людей, которые не разговаривали, не спорили с воображаемым собеседником в прошлом никогда или делали это, согласно самоотчету, очень редко. Ответы респондентов, касающиеся личности мысленных собеседников «в прошлом» соответствуют ответам на аналогичный вопрос о «настоящем». Анализ взаимосвязи общей интенсивности мыслительного потока с возрастом показал слабую обратную связь ($r = -0,12$, $p < 0,001$), из его компонентов подобные связи выявлены для внутренних споров и частоты/яркости внутренних образов ($r = -0,18$ и $-0,19$ соответственно, $p < 0,001$). Некоторое расхождение полученных данных может быть связано со сложностью ретроспективного описания внутренних событий.

Процент испытуемых, у которых ответ собеседника «возникает сам собой» или не контролируется, достаточно выражен (иногда и чаще – 40,2 %

для внутреннего разговора, 31,1 % – для спора). Высокая частота таких ответов позволяет заключить, что смысл, вкладываемый респондентами в ответы на данный пункт, отличен от феномена отчужденности внутренней речи, описанного в других работах [Давтян и др., 2017; Alderson-Day, Fernyhough, 2015; Heavey, Hurlburt, 2008].

Усиление частоты проявления внутренней речи в ситуациях стресса в большей мере касается разговоров и споров с самим собой, в меньшей – с вымышленным собеседником.

Возникновение зрительных образов, помимо речевых конструкций в мыслительных потоках, иногда и чаще отмечают 74,7 % респондентов, совсем не возникают образы у 9,9 % респондентов. У половины участников опроса (52,1 %) зрительные образы, скорее, яркие-яркие и очень яркие.

Сравнение общей интенсивности мыслительного потока у мужчин и женщин показало различия на уровне тенденции ($t = -1,8, p = 0,078$), среднее значение у женщин – 70,0, у мужчин – 66,9. Ранее неоднократно показана большая частота автоматизированных мыслей пессимистического и, в меньшей мере, рефлексивного характера у женщин [Johnson, Whisman, 2013]. При рассмотрении субшкал опросника мыслительного потока значимые различия выявлены для разговоров с вымышленным собеседником, частота которых выше у женщин – средний балл для них составил 7,9 при 6,7 у мужчин ($t = -4,4, p < 0,001$), и частоты/яркости внутренних образов, которая также выше у женщин – 6,5 балла при 6,1 у мужчин ($t = -2,5, p = 0,014$).

Заключение

Изучение составляющих мыслительного потока представляет собой сложную и интересную задачу. Предложенная нами методика измерения некоторых ее компонентов показала удовлетворительные психометрические характеристики и может использоваться при проведении исследований. Доработка предложенного метода может включать расширение субшкал с малым количеством пунктов и включение других составляющих внутренней речи.

Описание частоты встречаемости различных составляющих внутренней речи и возникающих при размышлениях визуальных образов показывает их широкую индивидуальную вариативность: присутствие в индивидуальном опыте как устойчиво диалогической, так и устойчиво монологической, а также смешанной формы размышлений, широкую вариативность внутренних разговоров и споров, представленности в качестве внутреннего собеседника как самого себя, так и вымышленных образов, а также репрезентаций реальных людей. С возрастом субъективно определяемая интенсивность мыслительного потока слегка снижается; для женщин характерны более частые внутренние разговоры с вымышленным собеседником, а также большая частота возникновения в мыслительном потоке визуальных образов.

Список литературы

Астрецов Д. А., Леонтьев Д. А. Психодиагностические возможности «Шкалы внутренней диалоговой активности» П. Олеся // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология, 2015. № 4. С. 66–82.

Выготский Л. С. Лекции по психологии. Мышление и речь. М.: Юрайт, 2019. 432 с.

Давтян Е. Н., Ильичев А. Б., Давтян С. Э. Симптом диалогического расщепления «я» как начальный этап нарушения внутренней речи при шизофрении // Психиатрия и психофармакотерапия, 2017. Т. 19, № 6. С. 62–70.

Дорошева Е. А. Адаптация русскоязычной версии опросника подавления нежелательных мыслей (White Bear Suppression Inventory) // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 22–38. DOI: 10.17223/17267080/91/2

Дорошева Е. А., Князев Г. Г. Психометрические свойства трех опросников регуляции эмоций // Материалы научной конференции «Современные проблемы клинической психологии и психологии личности», 2017. С. 193–198.

Костина И. Б. Внутренняя речь как форма перехода непроизвольного познания в свободное владение языком // Epistemology & Philosophy of Science, 2012. № 3. С. 130–143.

Синельникова Л. Н. Жизнь текста, или Текст жизни. Луганск: Знание, 2005. 455 с.

Alderson-Day B., Fernyhough C. Inner speech: development, cognitive functions, phenomenology, and neurobiology // Psychological bulletin. 2015. Т. 141. №. 5. С. 931–965. DOI: 10.1037/bul0000021

Alderson-Day B., Mitrenga K., Wilkinson S., McCarthy-Jones S., Fernyhough C. The varieties of inner speech questionnaire – Revised (VISQ-R): Replicating and refining links between inner speech and psychopathology // Consciousness and Cognition, 2018. № 65. P. 48–58. DOI: 10.1016/j.concog.2018.07.001.

Bastian M., Lerique S., Adam V., Franklin M. S., Schooler J. W., Sackur J. Language facilitates introspection: Verbal mind-wandering has privileged access to consciousness // Consciousness and Cognition, 2017. V. 49. P. 86–97. DOI: 10.1016/j.concog.2017.01.002

Csikszentmihalyi M., Larson R. Validity and reliability of the experience-sampling method // Flow and the foundations of positive psychology. Springer, Dordrecht, 2014. P. 35–54. DOI: 10.1097/00005053-198709000-00004.

Johnson D. P., Whisman M. A. Gender differences in rumination: A meta-analysis // Personality and Individual Differences, 2013. V. 55. I. 4. P. 367–374. DOI: 10.1016/j.paid.2013.03.019

Heavey C. L., Hurlburt R. T. The phenomena of inner experience // Consciousness and cognition, 2008. V. 17, №. 3. P. 798–810. DOI: 10.1016/j.concog.2007.12.006

Hurlburt R. T., Heavey C. L., Kelsey J. M. Toward a phenomenology of inner speaking // Consciousness and Cognition, 2013. V. 22, №. 4. P. 1477–1494. DOI: 10.1016/j.concog.2013.10.003

Oleś P., Puchalska-Wasył M. Dialogicality and personality traits / In H. J. M. Hermans & T. Gieser (Eds.), *Handbook of dialogical self theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 241–252. DOI: 10.1017/CBO9781139030434.017

Singer J. I., Antrobus J. S. *Imaginal Process Inventory*. New York: City University of New York, 1970. 30 p.

Smallwood J., Schooler J. W. (2015). The science of mind wandering: empirically navigating the stream of consciousness // *Annual Review of Psychology*, 2015. № 66. P. 487–518. DOI: 10.1146/annurev-psych-010814-015331

Treynor W., Gonzalez R., Nolen-Hoeksema S. Rumination Reconsidered: A Psychometric Analysis // *Cognitive Therapy and Research*, 2003. V. 27. № 3. P. 247–259. DOI: 1.1023/a:1023910315561

Watkins E. R. Constructive and Unconstructive Repetitive Thought // *Psychological Bulletin*, 2008. V. 134. №. 2. P. 163–206. DOI: 10.1037/0033-2909.134.2.163

Winsler A. E., Fernyhough C. E., Montero I. E. Private speech, executive functioning, and the development of verbal self-regulation. Cambridge University Press, 2009. DOI: 10.1017/CBO9780511581533

Watkins M. *Invisible guest: The development of imaginal dialogues*. Woodstock, CT: Spring Publications, 2000. 207 p.

Wegner D. M., Schneider D. J., Carter S. R., White T. L. Paradoxical effects of thought suppression // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987. № 53. P. 5–13. DOI:10.1037/0022-3514.53.1.5

References

Astretsov, D. A., & Leontiev, D. A. (2015). Psychodiagnostic capabilities of the “Scale of internal dialogue activity” P. Oles. *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 4, 66–82. (in Russ)

Vygotsky, L. S. (2019). *Lectures in psychology. Thinking and speaking*. M.: Yuright Publishing House. (in Russ)

Davtyan, E. N., Ilyichev, A. B., & Davtyan, S. E. (2017). The symptom of dialogic splitting of the self as the initial stage of internal speech impairment in schizophrenia. *Psychiatry and psychopharmacotherapy*, 19(6), 62–70. (in Russ)

Dorosheva, E. A. (2024). Adaptation of the Russian-language version of the White Bear Suppression Inventory. *Siberian Psychological Journal*, 91, 22–38. DOI: 10.17223/17267080/91/2 (in Russ)

Dorosheva, E. A., & Knyazev, G. G. (2017). Psychometric properties of three questionnaires of emotion regulation. *Materials of the scientific conference “Modern problems of clinical psychology and personality psychology.”* 193–198. (in Russ)

Kostina, I. B. (2012). Internal speech as a form of transition of involuntary understanding into fluency in language. *Epistemology & Philosophy of Science*, 3, 130–143. (in Russ)

Sinelnikova, L. N. (2005). *The life of the text, or the text of life*. Lugansk: Knowledge. 455 p. (in Russ)

Alderson-Day, B., & Fernyhough, C. (2015). Inner speech: development, cognitive functions, phenomenology, and neurobiology. *Psychological bulletin*, 141(5), 931–965. DOI: 10.1037/bul0000021

Alderson-Day, B., Mitrenga, K., Wilkinson, S., McCarthy-Jones, S., & Fernyhough, C. (2018). The varieties of inner speech questionnaire – Revised (VISQ-R): Replicating and refining links between inner speech and psychopathology. *Consciousness and Cognition*, 65, 48–58. DOI: 10.1016/j.concog.2018.07.001.

Bastian, M., Lerique, S., Adam, V., Franklin, M. S., Schooler, J. W., & Sackur, J. (2017). Language facilitates introspection: Verbal mind-wandering has privileged access to consciousness. *Consciousness and Cognition*, 49, 86–97. DOI: 10.1016/j.concog.2017.01.002

Csikszentmihalyi, M., & Larson, R. (2014) Validity and reliability of the experience-sampling method. *Flow and the foundations of positive psychology*. Springer, Dordrecht, 2014. P. 35–54. DOI: 10.1097/00005053-198709000-00004.

Johnson, D. P., & Whisman, M. A. (2013). Gender differences in rumination: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*, 55(4), 367–374. DOI: 10.1016/j.paid.2013.03.019

Heavey, C. L., & Hurlburt, R. T. (2008). The phenomena of inner experience. *Consciousness and cognition*, 17(3), 798–810. DOI: 10.1016/j.concog.2007.12.006

Hurlburt, R. T., Heavey, C. L., & Kelsey, J. M. (2013). Toward a phenomenology of inner speaking. *Consciousness and Cognition*, 22(4), 1477–1494. DOI: 10.1016/j.concog.2013.10.003

Oleś, P., & Puchalska-Wasył, M. (2012). Dialogicality and personality traits / In H. J. M. Hermans & T. Gieser (Eds.), *Handbook of dialogical self theory* (pp. 241–252). Cambridge: Cambridge University Press.. DOI: 10.1017/CBO9781139030434.017

Singer, J. I., & Antrobus, J. S. (1970). *Imaginal Process Inventory*. New York: City University of New York.

Smallwood, J., & Schooler, J. W. (2015). The science of mind wandering: empirically navigating the stream of consciousness. *Annual Review of Psychology*, 66, 487–518. DOI: 10.1146/annurev-psych-010814-015331

Treynor, W., Gonzalez, R., & Nolen-Hoeksema, S. (2003). Rumination Reconsidered: A Psychometric Analysis. *Cognitive Therapy and Research*, 27(3), 247–259. DOI: 10.1023/a:1023910315561

Watkins, E. R. (2008). Constructive and Unconstructive Repetitive Thought. *Psychological Bulletin*, 134(2), 163–206. DOI: 10.1037/0033-2909.134.2.163

Winsler, A. E., Fernyhough, C. E., & Montero, I. E. (2009). *Private speech, executive functioning, and the development of verbal self-regulation*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511581533

Watkins, M. (2000). *Invisible guest: The development of imaginal dialogues*. Woodstock, CT: Spring Publications.

Wegner D. M., Schneider D. J., Carter S. R., White T. L. (1987). Paradoxical effects of thought suppression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53, 5–13. DOI:10.1037/0022-3514.53.1.5

Приложение

Текст опросника

1. Я рассказываю что-то самому себе.
2. Я спорю с самим собой.
3. Я отвечаю сам себе во внутреннем разговоре.
4. Я отвечаю сам себе во внутреннем споре.
5. Я разговариваю с воображаемым собеседником, которого придумал сам (это не кто-то из известных мне людей).
6. ... если «да», то: при этом я отвечаю себе от его лица.
7. Я спорю с воображаемым собеседником, которого придумал сам (это не кто-то из известных мне людей).
8. ... если «да», то: при этом я отвечаю себе от его лица.
9. Я разговариваю с воображаемым собеседником(ами), который(ые) представляет(ют) какого-то значимого для меня человека, людей.
- 9А. ... если хотя бы иногда разговариваете, то отметьте, кто это. Если нет, то пропустите этот пункт.
10. В прошлом бывали ситуации, когда я рассказывал что-то самому себе.
11. В прошлом бывали ситуации, когда я спорил с самим собой.
12. В прошлом бывали ситуации, когда я разговаривал с самим собою и отвечал себе.
13. В прошлом бывали ситуации, когда я мысленно разговаривал с воображаемым собеседником, которого придумал сам (это не кто-то из известных мне людей)
14. ... если «да», то: при этом я отвечал себе от его лица.
15. В прошлом бывали ситуации, когда я мысленно спорил с воображаемым собеседником, которого придумал сам (это не кто-то из известных мне людей).
16. ... если «да», то при этом я отвечал себе от его лица.
17. В прошлом бывали ситуации, когда я мысленно разговаривал с воображаемым собеседником, который представляет какого-то (каких-то) значимого (значимых) для меня человека, людей.
- 17А. ... если Вы отметили в предыдущем вопросе 3, 4 или 5, то укажите, кто это.
18. ... если «да», то при этом я отвечал себе от его лица.
19. В ситуации стресса я чаще спорю с самим собой.
20. В ситуации стресса я чаще во внутреннем разговоре отвечаю самому себе.

21. В ситуации стресса я чаще разговариваю с воображаемым собеседником.
22. В ситуации стресса я чаще спорю с воображаемым собеседником.
23. Я отвечаю сам себе во внутреннем разговоре, при этом ответ возникает сам собой, он не контролируется мною.
24. Я отвечаю сам себе во внутреннем споре, при этом ответ возникает сам собой, он не контролируется мною.
25. В прошлом бывали ситуации, когда я отвечал сам себе во внутреннем разговоре, при этом ответ возникал сам собой, он не контролировался мною.
26. В прошлом бывали ситуации, когда я отвечал сам себе во внутреннем споре, при этом ответ возникал сам собой, он не контролировался мною.
27. В ситуации стресса я чаще отвечаю сам себе во внутреннем разговоре, при этом ответ возникает сам собой, он не контролируется мною.
28. Как часто, помимо слов, в Ваших внутренних размышлениях возникают зрительные образы?
29. Если зрительные образы при размышлениях возникают, то насколько яркими они являются?

Информация об авторе

Дорошева Елена Алексеевна, кандидат биологических наук, доцент
Scopus Author ID 6504158742
Author ID RSCI 95192

Information about the Author

Elena A. Dorosheva, Candidate of Biological Science, Associate Professor,
Senior Researcher, Novosibirsk State University, Scientific Research
Institute of Neurosciences and Medicine (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 6504158742
Author ID RSCI 95192

Материал поступил в редколлегию 19.02.2024
The article was submitted 19.02.2024